

ВОСПРИЯТИЕ К.И. ЧУКОВСКИМ ФИЛОСОФИИ ГЕГЕЛЯ

Морозова Светлана Николаевна, кандидат филологических наук, Военная академия материально-технического обеспечения, 440005, Россия, г. Пенза, Военный городок, 1, e-mail: s.morozova09@mail.ru.

Жаткин Дмитрий Николаевич, доктор филологических наук, профессор, Пензенский государственный технологический университет, 440039, Россия, г. Пенза, пр. Байдукова / ул. Гагарина, 1а/11, e-mail: ivb40@yandex.ru.

В статье рассматриваются особенности восприятия К.И. Чуковским философии Г.В.Ф. Гегеля. Дается обстоятельный анализ мировоззренческой позиции писателя в соотношении с гегелевскими философскими принципами. При объяснении предназначения искусства в статье «К вечно-юному вопросу» (1901) Чуковский обращается к знаменитой гегелевской триаде, а также размышляет с опорой на философию Гегеля, связывающего жизнь в обществе с проявлением свободы человека, об общественных отношениях с их неизменно возникающими материальными потребностями. Значительный интерес вызывала у Чуковского зависимость интерпретации гегелевской философии в России от идеологических установок русской культуры конца XIX – начала XX в.

Ключевые слова: К.И.Чуковский, Гегель, межкультурная коммуникация, гегельянство, международные литературные и историко-культурные связи, публицистика, мировоззренческая позиция

K.I. CHUKOVSKY'S PERCEPTION OF HEGEL'S PHILOSOPHY

Morozova Svetlana N., Candidate of Philological Sciences, Military Academy of Logistics, 440005, Russia, Penza, 1 Military Town, e-mail: s.morozova09@mail.ru.

Zhatkin Dmitry N., Doctor of Philological Sciences, Professor, Penza State Technological University, 440039, Russia, Penza, 1a/11 pr. Baydukova / Gagarin st., e-mail: ivb40@yandex.ru.

The article considers peculiarities of G.W.F. Hegel's philosophy perception by K.I. Chukovsky. It provides the detailed analysis of the writer's world outlook in relation to Hegel's philosophical principles. It is noted that in the article "To the Eternally Young Question" (1901), while explaining the mission of art, Chukovsky argues on Hegel's well-known triad, and also considers public relations with their permanently arising material requirements, with some support on Hegel's philosophy, connecting life in society with manifestation of the person's freedom. The article also specifies Chukovsky's interest to the dependence of Hegel's philosophy interpretation in Russia from ideological ideas of the Russian culture at the end of the XIXth – the beginning of the XXth centuries.

Keywords: K.I. Chukovsky, Hegel, cross-cultural communication, hegelianism, international literary and historical and cultural relations, journalism, world outlook

Тема восприятия писателем какой-либо философской системы всегда является актуальной, особенно в плане освещения литературных связей между Россией и Западом. Наивысший уровень интереса к гегелевской философии в России относится к 1830–1840 гг.; впоследствии, на протяжении XX в., внимание к философской системе Гегеля возрождалось и затихало с определенными интервалами. Тема восприятия философии Гегеля в творче-

стве русских писателей, а также отношение Гегеля к важным вопросам литературы рассмотрены в трудах П.А. Кропоткина, И.А. Ильина, В.В. Кожина, Б.Н. Тарасова, М.Н. Эпштейна, Д.И. Чижевского, К.В. Деревянко, Н.В. Мотрошиловой, Р. Нохейль, Э.Ю. Соловьева [2–5; 7; 8; 12; 15; 18]; проблемы эстетики Гегеля наиболее полно осмыслены М.А. Лифшицем, М.Ф. Овсянниковым [6; 9]. Мировоззренческая позиция Чуковского во взаимосвязи с философией Гегеля в прежние годы не изучалась. В целом, упоминания о философских взглядах Чуковского в книгах, посвященных его творчеству, носят эпизодический, фрагментарный характер.

В своей ранней философской работе «К вечно-юному вопросу» (1901) Чуковский выступает с положениями, соотносимыми с марксистской идеологией, но при этом учитывает основные принципы философии Гегеля, что можно видеть на примере толкования законов общественных отношений, понимания свободы человека, предназначения искусства и др. Противоречия, возникающие при столкновении у Чуковского гегелевской и марксистской философских систем, носят конструктивный характер, поскольку позволяют писателю достичь компромисса при объяснении спорных положений путем сопоставления противоположных точек зрения.

Размышляя о предназначении искусства, Чуковский указывает на односторонность взглядов отдельных писателей на этот вопрос. «Вот, например, г. Шейнис в 8-й книжке "Русского Богатства" называет исключительную заботу художника о форме – "нравственным оскудением", а вот, с другой стороны, ответ г. Боборыкина своим критикам в "Русской Мысли" (№ 8, 9), где почтенный автор злободневных романов неожиданно является защитником чистого самодовлеющего искусства; вот статьи И.Е. Репина, который называет *невежеством* требование определенного содержания от художника, а последнего, если он удовлетворяет этому требованию – *шарлатаном*; вот, наконец, статья Ф. Батюшкова по поводу этих соображений г. Репина ("Вестник Европы" № 10). Критик этот заявляет, что без содержания вообще нет художественных произведений, что всякое искусство полезно, не нужно только ограничивать понятие пользы материальным благосостоянием, что искусство удовлетворяет, стало быть, духовным нуждам, а не материальным, – и в этом его назначение» [16, с. 221]. По мнению Чуковского, все эти положения представляют собой ничто иное как «гегелевскую триаду» (представление о трехступенчатом характере развития, составными частями которого являются тезис, антитезис и синтез); в выводах И.Е. Репина писатель видит «удобный обход дилеммы, а не выход из нее» [16, с. 221].

Гегель определяет искусство как воплощение идеи в конкретных чувственных образах. Степень совершенства произведения искусства определяется уровнем соответствия между идеей (содержанием) и его формой (существенным образным воплощением). Поэтому в понятии искусства существует некая двойственность, выражающаяся в том, что цель и значение искусства тесно связаны реальностью его содержания, причем эти две составляющие так проникнуты друг в друга, что внешнее выступает как воплощение внутреннего: «В художественном произведении нет ничего такого, что не имело бы существенного отношения к содержанию и не выражало бы его» [1, с. 103].

Но эти противоположные стороны не дистанцируются. Гегель считает, что каким бы значительным ни было содержание, взятое само по себе, оно не может удовлетворить потребности субъекта, потому что представляет собой лишь нечто внутреннее, которому противостоит объективное. Логичным является то, что у человека возникает потребность объективировать субъективное. И дело не в том, что субъективному недостает объективного, – этот недостаток существует в самом субъективном, в нем присутствует отрицание, подвергаемое новому отрицанию (снятие внутреннего противоречия в процессе развития понятия).

Возникает закономерный вопрос о месте искусства в общественной жизни человека. По мнению Чуковского, искусство не может быть нашей естественной потребностью, ибо идет в услужение тем материальным потребностям, из которых оно вытекает. Отмечая, что «общество, как и все другое, создано по единственному мотиву и с единственной целью – победы в борьбе за существование» [16, с. 224], Чуковский определяет высокие порывы души как службу только материальным нуждам, так как у общества не может быть других потребностей. В гегелевской философской системе в области материальных потребностей отмечаются противоречие и его разрешение, поскольку содержание материальных удовлетворений носит конечный и ограниченный характер. Удовлетворение не абсолютно, оно беспрестанно переходит в новые потребности: разовый отдых и насыщение, например, не исключают появления усталости и голода в будущем. Таким образом, физические потребности, знание и воля человека действительно получают удовлетворение и свободно разрешают антагонизм между субъективным и объективным, внутренней свободой и наличной внешней необходимостью.

Поскольку система материального благополучия человека невозможна без жизни в обществе, жизнь в котором Чуковский считает взаимообусловленным процессом, то личность «беспрекословно исполняет все требования общества»: «На каждое проявление личности общество наложило свою тяжелую лапу, и все, что ни делает личность, все это нужно не для нее самой, а для общества. Ну, а если б она не делала этого? Она погибла бы. Значит, она делает это не для общества, а для самой себя» [16, с. 224].

У Гегеля понятие общества прежде всего соотносится с понятием свободы. Государственная жизнь воспринимается как некая «завершенная внутри себя целостность» [1, с. 107], которая, благодаря структуре образования, правам и обязанностям, целям и их удовлетворению, предписанным формам поведения и видам деятельности, общению между людьми и т.д., продолжает свою непрерывную действительность. При всем многообразии внутреннего и внешнего проявлений деятельности общества философ все же отмечает односторонность и абстрактность принципа существования государства: «В этом принципе разворачивается перед нами лишь разумная свобода воли, которая становится действительной лишь в государстве, и притом лишь в данном отдельном государстве. Тем самым эта свобода осуществляется опять-таки лишь в особенной сфере бытия и ее единичной реальности» [1, с. 107]. Свобода воли проявляется в том, что человек, понимая конечность способов существования в обществе, которое не может дать ему полного удовлетворения, пытается постичь высшее определение духа. Вместе с тем общество в своем объективном существовании и в своем отношении к субъекту нуждается в высшем подтверждении.

Чуковский не соглашается с постулатом, который определяет свободу как высшее определение духа, так как человеку необходимо преодолеть «не нечто чуждое, не поставленный ему предел и границу, а самого себя» [1, с. 105]. У Гегеля более точное определение свободы сводится к тому, что свобода имеет своим содержанием «разумное вообще, например нравственность в действии, истину в мышлении» [1, с. 105]. В статье «К вечно-юному вопросу» Чуковский возражает: «Свободы воли, что бы там ни говорил Гегель, у человека нет ни на грош. Он весь в тисках необходимости. Но дивная иллюзия свободы у него появляется при каждом его поступке... "Я хочу сделать это – и делаю" – говорит человек... – Так-то оно так, да почему ты захотел этого? Каждое желание твое, – оно подсказано кем-то другим, оно кому-то другому нужно, – а ты лично здесь совершенно ни при чем» [16, с. 225].

Проблеме, затронутой в статье Чуковского, Гегель уделяет пристальное внимание, отмечая, что у человека постоянно возникает необходимость примирения субъективной стороны свободы с объективностью, связанной с удо-

влетворением естественных потребностей. Возникает противоречие, обусловленное тем, что свобода, с одной стороны, предполагает нечто всеобщее и самостоятельное внутри самого человека, а с другой стороны, подчеркивает человеческие влечения, чувства, склонности, страсти. Человек не может постоянно находиться в чистом мышлении, ибо нуждается и в чувственном существовании, непосредственном удовлетворении потребностей – как духовных, так и материальных. В духовной стихии человек стремится достигнуть удовлетворения и свободы в своем знании и воле, в мыслях и поступках. Любознательность, влечение к познанию, как считает Гегель, происходят из стремления устранить состояние несвободы и усвоить себе мир в представлении и мышлении. В мире действий это стремление к свободе идет в обратном направлении, добиваясь того, чтобы разум воли достиг действительности. Ошибочно, по мнению Гегеля, определять свободой произвол, который есть ни что иное как «неразумная свобода, выбор и самоопределение, порождаемые не разумом воли, а случайными влечениями и их зависимостью от чувственного и внешнего» [1, с. 106]. О том же говорит Чуковский, утверждая, что стремление к удовлетворению естественных потребностей является движущей силой всех поступков человека.

В статье «Циферблат господина Бельтова» (1906), в названии которой упомянут псевдоним Г.В. Плеханова – Н. Бельтов, Чуковский говорит об идеологической ангажированности общественного восприятия художественного творчества, стремлении многих современников при помощи особого прибора – «марксометра» – определить достоинства и недостатки произведений и их авторов: «Книга – и ей не укрыть этого – отвергает Вольтского исключительно и единственно за то, что в Гегеле этот писатель усмотрел нечто иное, чем Марксова предшественника, и за то, что при рассмотрении литературных явлений, он – худо ли, хорошо ли – предъявлял к ним абсолютные, а не классовые точки зрения» [16, с. 377; об этом см. также: 11, с. 643]. В то же время при анализе исследования В.П. Воронцова «Очерки современных направлений. Экономический материализм на русской почве» (1895) Чуковский отмечает несхожесть философии Маркса и Гегеля. Если В.П. Воронцов в своих очерках, посвященных теме развития экономического материализма в России, критикует последователей марксизма, в частности Н. Бельтова (Г.В. Плеханова), за рьяное следование гегелевской философии, то Чуковский выделяет противоречия в рассуждениях В.П. Воронцова о схожести идей Н. Бельтова (Г.В. Плеханова) и Гегеля: «Бельтов де обязан говорить, что идея есть лишь снимок с действительности, обязан "по долгу службы" <будучи последователем марксистской идеологии>, а на самом деле заявляет, что "исследователи, даже не знакомые с Гегелем, находят в природе то же, о чем Гегель предсказал на бумаге; теории их, если только они верны, являются новой иллюстрацией гегельянства", – стало быть, заключает ВВ (В.П. Воронцов), "по Бельтову" действительность есть отражение идеи» [17, с. 377]. Чуковский спорит с В.П. Воронцовым, заявляя, что Н. Бельтов, взяв за основу переход количества в качество, не имеет желания следовать гегелевскому принципу триады, более того, выступает против подведения жизненных явлений под этот принцип. Гегель, по наблюдению Чуковского, не рекомендует делать отвлеченные выводы из отвлеченных положений, более того, своим диалектическим методом обязывает мыслителя к всестороннему рассмотрению предмета. Здесь Чуковский опирается на философскую позицию Н.Г. Чернышевского (в историко-философской литературе тема «Гегель и Н.Г. Чернышевский» традиционно была популярной), который в своей статье «Очерки гоголевского периода русской литературы» (1855–1856) так определял диалектический метод Гегеля: «Сущность его <диалектического метода> состоит в том, что мыслитель не должен успокаиваться ни на каком положительном выводе, а должен искать, нет ли в предмете, о котором он мыслит, качеств и сил, противоположных тому, что представляется этим предметом на первый

взгляд: таким образом, мыслитель был принужден обозревать предмет со всех сторон, и истина являлась ему не иначе, как следствием борьбы всевозможных противоположных мнений <...>. *Объяснить действительность стало существенной обязанностью философского мышления*» [14, с. 187]. По мнению Чуковского, Н. Бельтов вовсе не стремится укрыться положениями диалектики и объяснить факты отвлеченными идеями; поэтому неуместна ирония В.П. Воронцова, звучащая в обращенной к Н. Бельтову насмешливой просьбе предсказать «на основании общих положений гегельянства <...> грядущие модификации идеи эволюции, которых ожидают в будущем психологи, физики, геологи» [17, с. 377].

Внимание Н. Бельтова к гегелевской философии Чуковский связывает с тем, что ему было необходимо представить различные мнения об историческом процессе. Логично, что, описывая философию Гегеля, он представил достоинства и недостатки этой системы. Не отрицая основные положения гегельянства, Н. Бельтов, тем не менее, говорит о том, что «идеалисты-диалектики» «покинули точку зрения человеческой природы и благодаря этому отделились от утопического взгляда на общественные явления, стали рассматривать общественную жизнь как необходимый процесс, имеющий свои собственные законы», однако в дальнейшем путем «олицетворения процесса <...> логического мышления (т.е. одной из сторон *человеческой природы*) <...> вернулись к той же неудовлетворительной точке зрения», в следствие чего «*им осталась непонятной истинная природа общественных отношений*» [10, с. 599]. При таком существенном расхождении точек зрения на данный вопрос ни о каком сближении и говорить не приходится.

Чуковский считает закономерным вывод Н. Бельтова о том, что основываться на человеческой природе нельзя. Он говорит, что идеи Н. Бельтова были бы созвучны теории Гегеля, если бы гегельянцы не соотнесли процесс логического мышления с историческим процессом, сделав акцент на человеческой природе. Этот аспект, по мнению Чуковского, еще больше отдаляет Н. Бельтова от философии Гегеля. В этой связи положение В.П. Воронцова о взаимодействии мнений людей с их общественными отношениями, которые он предполагает в самой сфере взаимодействия определить как интеллектуальный и общественный факторы соответственно, Чуковский называет логически неверным, указывая на невозможность вывести «общие законы отношений между мнениями и положением (и наоборот)» [17, с. 379].

В «Конспектах по философии» Чуковский обращается к собственной интерпретации понятия «абсолютной идеи», определяет разум не как нечто отвлеченное, а как зависящее от самосознания человека; если разум изменяется с развитием самосознания, то в конечном виде не существует. Чуковский задает закономерные вопросы «Что же причина законосообразности явлений, если абсолютной идеи нет?.. Если господствующей силой истории является изменчивый разум? Отчего человеческий ум делает шаги именно в ту, а не в другую сторону?» [17, с. 379], ответы на которые находит в дуализме, обстоятельно описываемом им на примере сравнения философских принципов Гегеля и немецкого философа-гегельянца, сторонника правого гегельянства Бруно Бауэра: «У Гегеля философия – материал, проводник абсолютного духа, а Бауэр объявляет себя – критикой, а критику – абсолютным духом. Элемент критики изгоняется из массы, элемент массы – из критики. У Гегеля дух творит историю *postfactum*, у Бауэра – он сочиняет ее обдуманно. Акт общественного преобразования сводится к мозговой деятельности критической критики» [17, с. 379].

Таким образом, анализ особенностей восприятия Чуковским философии Гегеля позволяет заключить, что в системе мировосприятия русского писателя основные положения гегелевских философских взглядов занимают важное место. Вслед за теоретиками марксистской идеологии писатель не признавал гегелевское определение идеи как движущей силы мирового процесса. Вме-

сте с тем он считал несомненной заслугой Гегеля как диалектика, объяснившего явления с точки зрения их развития.

Список литературы

1. Гегель Г. В. Ф. Эстетика : в 4 т / Г. В. Ф. Гегель. – М. : Искусство, 1968. – Т. 1. – 312 с.
2. Деревянко К. В. Диалектика Пушкина и диалектика Гегеля: эстетические принципы / К. В. Деревянко // Философские достижения. – 2011. – № 13. – С. 167–183.
3. Ильин И. А. Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека : в 2 т / И. А. Ильин. – М. : Изд-во Г.А. Лемана и С.И. Сахарова, 1918. – Т. 2. Учение о человеке. – 356 с.
4. Кожин В. В. Немецкая классическая эстетика и русская литература / В. В. Кожин // Традиции в истории культуры. – М. : Наука, 1978. – С. 191–197.
5. Кропоткин П. А. Идеалы и действительность в русской литературе / П. А. Кропоткин ; пер. В. Батурицкого. – М. : Век книги, 2003. – 379 с.
6. Лифшиц М. А. Вопросы искусства и философии / М. А. Лифшиц. – М. : Гослитиздат, 1935. – 320 с.
7. Мотрошилова Н. В. Путь Гегеля к «Науке логики». Формирование принципов системности и историзма / Н. В. Мотрошилова. – М. : Наука, 1984. – 352 с.
8. Нохейль Р. И.С. Тургенев – «писатель-философ» / Р. Нохейль // Тургениана : сб. ст. и мат-лов. – Орел : Поиск, 1991. – Вып. 2–3. – С. 24–26.
9. Овсянников М. Ф. История эстетической мысли : учеб. пос. / М. Ф. Овсянников. – М. : Высшая школа, 1978. – 352 с.
10. Плеханов Г. В. Избранные философские произведения : в 5 т. / Г. В. Плеханов. – М. : Политиздат, 1956. – Т. 1. – 848 с.
11. Плеханов Г. В. Избранные философские произведения : в 5 т. / Г. В. Плеханов. – М. : Политиздат, 1957. – Т. 3. – 784 с.
12. Судьбы гегельянства: философия, религия и политика прощаются с модерном ; под ред. П. Козловски, Э. Ю. Соловьева. – М. : Республика, 2000. – 383 с.
13. Тарасов Б. Н. Чаадаев / Б. Н. Тарасов. – М. : Молодая гвардия, 1986. – 448 с.
14. Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений : в 10 т. / Н. Г. Чернышевский. – СПб. : Лештуковская паровая скоропечатня П.О. Яблонского, 1906. – Т. 2. Современник 1856. Очерки гоголевского периода русской литературы. Критика и библиография. Заметки о журналах 1956 г. – 658 с.
15. Чижевский Д. И. Гегель в России / Д. И. Чижевский. – СПб. : Наука, 2007. – 409 с.
16. Чуковский К. И. Собрание сочинений : в 15 т. / К. И. Чуковский ; предисл. и коммент. Е. Ивановой. – М. : ТЕРРА-Книжный клуб, 2001. – Т. 6: Современники. – 623 с.
17. Чуковский К. И. Собрание сочинений : в 15 т. / К. И. Чуковский ; коммент. Е. Чуковской. – М. : ТЕРРА-Книжный клуб, 2006. – Т. 11: Дневник (1922–1935). – 591 с.
18. Эпштейн М. Н. Ирония идеала: Парадоксы русской литературы / М. Н. Эпштейн. – М. : Новое литературное обозрение, 2015. – 384 с.

References

1. Gegel' G. V. F. *Jestetika: in 4 vol.* [Aesthetics: in 4 vol.]. Moscow, Iskusstvo publ., 1968, vol. 1, 312 p.
2. Derevjanko K. V. *Dialektika Pushkina i dialektika Gegelja: jesteticheskie principy* [Pushkin's dialectic and Hegel's dialectic: of the aesthetic principles]. *Filosofskie dostizhenija* [Philosophical achievements], 2011, no. 13, pp. 167–183.
3. Il'in I. A. *Filosofija Gegelja kak uchenie o konkretnosti Boga i cheloveka: in 2 vol.* [Hegel's philosophy as the doctrine about concreteness of God and man: in

- 2 vol.]. Moscow, Izd-vo G.A. Lemana i S.I. Saharova publ., 1918, vol. 2. *Uchenie o cheloveke* [The doctrine of man], 356 p.
4. Kozhinov V. V. *Nemeckaja klassicheskaja jestetika i russkaja* [German classical aesthetics and literature]. *Tradicii v istorii kul'tury* [Traditions in the history of culture]. Moscow, Nauka publ., 1978, pp. 191–197.
5. Kropotkin P. A. *Idealy i dejstvitel'nost' v russkoj literature* [Ideals and reality in Russian literature] (V. Baturinskiy, Trans). Moscow, Vek knigi publ., 2003, 379 p.
6. Lifshic M. A. *Voprosy iskusstva i filosofii* [Questions of art and philosophy]. Moscow, Goslitizdat publ., 1935, 320 p.
7. Motroshilova N. V. *Put' Gegelja k «Nauke logiki». Formirovanie principov sistemnosti i istorizma* [The path of Hegel's "Science of logic". The formation of the principles of systemacity and historicism]. Moscow, Nauka publ., 1984, 352 p.
8. Nohej' R. I.S. *Turgenev – «pisatel'-filosof»* [Turgenev – "writer-philosopher"]. *Turgeniana: sb. st. i mat-lov* [Tyrrhenian: a collection of articles and materials]. Orel, Poisk publ., 1991, vol. 2–3, pp. 24–26.
9. Ovsjannikov M. F. *Istorija jesteticheskoy mysli: ucheb. pos.* [The history of aesthetic thought]. Moscow, Vysshaja shkola publ., 1978, 352 p.
10. Plehanov G. V. *Izbrannye filosofskie proizvedenija: in 5 vol.* [Selected philosophical works: in 5 vol.]. Moscow, Politizdat publ., 1956, vol. 1, 848 p.
11. Plehanov G. V. *Izbrannye filosofskie proizvedenija: in 5 vol.* [Selected philosophical works: in 5 vol.]. Moscow, Politizdat publ., 1957, vol. 3, 784 p.
12. *Sud'by gegel'janstva: filosofija, religija i politika proshhajutsja s modernom* [The fate of the Hegelian: philosophy, religion and politics say goodbye to modernity]. In P. Kozlovski, Je. Ju. Solov'eva. Moscow, Respublika publ., 2000, 383 p.
13. Tarasov B. N. *Chaadaev* [Chaadaev]. Moscow, Molodaja gvardija publ., 1986, 448 p.
14. Chernyshevskij N. G. *Polnoe sobranie sochinenij: in 10 vol.* [Complete works: in 10 vol.]. St. Petersburg, Leshtukovskaja parovaja skoropechatnaja P.O. Jablonskogo publ., 1906, vol. 2: *Sovremennik 1856, Ocherki gogolevskogo perioda russkoj literatury. Kritika i bibliografija. Zametki o zhurnalakh 1956 g.* [Contemporary 1856. The essays on the Gogol period of Russian literature. Criticism and bibliography. Notes about the magazines 1956], 658 p.
15. Chizhevskij D. I. *Gegel' v Rossii* [Hegel in Russia]. St. Petersburg, Nauka publ., 2007, 409 p.
16. Chukovskij K. I. *Sobranie sochinenij: in 15 vol.* [Collected works: in 15 vol.]; predisl. i komment. E. Ivanovoj. Moscow, TERRA-Knizhnyj klub publ., 2001, vol. 6: *Sovremenniki* [Contemporaries], 623 p.
17. Chukovskij K. I. *Sobranie sochinenij: in 15 vol.* [Collected works: in 15 vol.]. Moscow, TERRA-Knizhnyj klub publ., 2006, vol. 11: *Dnevnik (1922–1935)* [Diary (1922–1935)], 591 p.
18. Jepshtejn M. N. *Ironija ideala: Paradoksy russkoj literatury* [The irony of the ideal: the Paradoxes of Russian literature]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie publ., 2015, 384 p.

ИССЛЕДОВАНИЯ, ПОСВЯЩЕННЫЕ ВОСПРИЯТИЮ ОБРАЗА ИТАЛИИ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (2000–2015)

Лопатченко Анастасия Александровна, аспирант, Астраханский государственный университет, 410056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, e-mail: anastasia1061@gmail.com.

В статье дается краткий литературный обзор публикаций, посвященных восприятию образа Италии, вышедших как в России, так и в Италии за последние 15 лет. Интерес к культуре Италии в России носит достаточно глубокий характер и на сегодняшний день в научном сообществе сохраняется огромный интерес к исследованию русско-итальянских связей. Особое вни-